

ББК 87.21

И. В. Дмитриевская

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО НООСФЕРЫ

Постановка проблемы

Ноосферные исследования становятся крайне актуальными в современную эпоху, когда человек пребывает в перманентно возникающей экзистенциальной ситуации в связи с разнообразными и многочисленными катаклизмами, негативными последствиями научно-технического прогресса как в социальной и духовной жизни людей, так и в бытии и жизнедеятельности природной среды. Эти явления осмысливаются как глобальные проблемы современности и решаются в разных науках и областях знания, хотя корень у них один — нарушение ноосферного закона, связывающего воедино информационные, энергетические и вещественные процессы не только на Земле и в околоземном пространстве, но и во Вселенной. Действие закона распространяется на область бытия, которую можно определить как коммуникативное пространство ноосферы. В этой статье постараемся 1) определить особенности ноосферы как коммуникативного пространства и как генератора смыслов, впоследствии «считываемых» человечеством и интерпретируемых как законы природы, общественной жизни, мышления и познания в разных областях познавательной практики — науке, искусстве, философии, мифологии, религии и т. п.; 2) рассмотреть ноосферу как знаковую систему и представить разные модели ее понимания; 3) проследить тенденцию развития моделей понимания ноосферы от интерпретационных к собственно понимающим.

Понятие ноосферы

Как известно, понятие «ноосфера» было разработано Тейяром де Шарденом, Ле Руа и В. И. Вернадским. В. И. Вернадский характеризовал ноосферу как разумную оболочку Земли и околоземного пространства, порожденную человеческим сознанием и призванную регулировать природные и социальные процессы. В настоящее время, в связи с информационным бумом и компьютеризацией социальной жизни, это определение требует корректировки. Торжество техносферы практически низводит ноосферу до уровня части техносферы (естественно, если ноосфера рассматривается в вышеопределенном смысле), и все отрицательные последствия научно-технического прогресса вполне очевидно касаются и ноосферы, превращая ее не столько в животворное состояние Земли и Космоса, сколько в зону смерти и отчуждения, где уничтожается все живое. Научная мысль, которая, по мнению В. И. Вернадского, должна превратить планету Земля в наиболее благоприятную среду как для материальной, так и для духовной жизни человечества, в

© Дмитриевская И. В., 2010

действительности работает и в обратном направлении, продуцирует технологии, уничтожающие человека и среду его обитания. Глобальные проблемы современности практически порождены научно-технической революцией и имеют антиноосферные смыслы и направленность. Они указывают на ту угрозу, которую несут достижения науки и техники самим основаниям природной, естественной жизни. Возникает необходимость разобраться не только с определением ноосферы, но и с оценкой содержания этого понятия, отделив его положительные, действительно ноосферные признаки, от отрицательных, которые не могут быть введены в понятие «ноосфера».

Каким образом можно расширить и углубить понятие «ноосфера»? Универсальная концепция ноосферы, разработанная Г. С. Смирновым, расширяет содержание и объем понятия «ноосфера» (логически парадоксальная ситуация, однако, правомерная для универсальных понятий и логических категорий), рассматривает ноосферу как Универсум, в основании которого — экстраполирование феномена человеческого сознания и порожденной им культуры на космическое бытие [28]. Такая экстраполяция позволяет ввести в круг понятий, описывающих существование ноосферы, категорию ноосферной реальности [28, гл. 2].

«Термин “ноосферная реальность” имеет расширенный смысл: он совмещает идеальное и материальное, объективное и субъективное, возможное и действительное. С одной стороны, ноосферная реальность — это структурированное и целостно представленное “все существующее”, с другой — это проявленность ноосферности (ноосферного качества) в социоприродном бытии» [28, с. 96]. Расширение смысла понятия «ноосфера» намечалось в работах основоположника Ивановской ноосферной школы Н. П. Антонова в связи с осмыслением роли сознания и субъективного фактора в процессе перехода биосферы в ноосферу.

Онтологические аспекты проблемы сознания и ноосферы представлены в трудах А. В. Брагина, Ф. И. Гиренка, Э. В. Гирусова, В. П. Казначеева, А. Н. Кочергина, А. Г. Маслеева, Н. Н. Моисеева, Г. С. Смирнова, А. Д. Урсула, В. М. Федорова и др. [4; 5; 6; 17; 18; 21; 22; 23; 28; 32; 33].

В последнее время на кафедре философии Ивановского университета определилось направление, связанное с исследованием семиотики ноосферы. В этом отношении интересны работы А. Н. Портнова [24; 26] и Д. Г. Смирнова [25; 29]. В них исследуются свойства ноосферной знаковой ситуации, знаковых структур и вытекающих из них особенностей ноосферной деятельности человека в земных условиях и возможных космических ситуациях. Традиционно широко представлены работы экологической проблематики, ориентированные на ноосферное содержание экологических программ и экологической деятельности.

Мы рассматриваем *системные аспекты* ноосферной реальности [10]. Ноосфера определяется как системно организованное Всеобщее, тем самым, понятие «ноосфера» сближается с Живым Космосом Платона, Единым Плотина, Природой-Богом Спинозы, Абсолютом Шеллинга, Абсолютной Идеей Гегеля и т. п. Формальное определение ноосферы требует рафинирования этого понятия, что возможно на языке системного описания, предложенном А. И. Уёмовым [30; 31]. Определение системы дается с помощью категорий «вещь», «свойство», «отношение», которые в любом философском тексте выполняют структурную роль. «Система — это вещь, на которой реализуется отношение с заранее фиксированными свойствами» [31, с. 117]. В качестве

предпосылочного знания используется структурная онтология «качественного реизма», в которой «вещь» понимается не пространственно, не как тело, а как система качеств. Формальное определение предполагает изучение объекта как системы на трех уровнях организации — концептуальном (уровень системообразующего свойства), структурном (уровень системообразующего отношения), субстратном (уровень элементов). Оно интерпретируется на разных предметных областях. В частности, в концепции ноосферы В. И. Вернадского различаются такие состояния земной оболочки, как «косное вещество», «биосфера», «ноосфера». С теоретико-системной точки зрения различие между ними заключается в следующем: косное вещество — система энергетическая по концепту, вещественная по структуре и по субстрату; биосфера — система энергетическая по концепту, информационная по структуре, вещественная по субстрату; ноосфера — система информационная по концепту, энергетическая по структуре, вещественная по субстрату (подробнее см.: [10]). Таким образом, процесс перехода биосферы в ноосферу безотносительно к условиям, в которых он осуществляется (земных или космических), заключается в смене системных уровней бытия информационной, энергетической и вещественной составляющей системного целого. Если в биосфере информационные процессы подчинены энергетическим, то есть информация — это средство добывания энергии, необходимой для жизнедеятельности организма, то в ноосфере, как она представлена в земных условиях (главным образом, функционированием человеческого сознания и его производной — культуры человечества, исторически сложившейся во времени): *информация генерирует энергию, а энергия структурирует вещество*. Такова сущность основного ноосферного закона [15]. Сторонники незыблемости закона сохранения и превращения энергии часто возражают против этой формулировки ноосферного закона: дескать, энергия не возникает и не исчезает, а только переходит из одного вида в другой. Но при этом забывается, во-первых, что закон сохранения и превращения энергии сформулирован в рамках механистического мировоззрения и механистической картины мира. Даже Энгельс, вслед за Гегелем, анализируя усложнение форм движения материи, отмечая сохранение типа движения на каждом этапе эволюции форм при изменении субстрата, показывает, что при переходе от биологической формы к социальной преобладает вид движения прекращается: социальную форму движения нельзя назвать «биологией общественных явлений». То есть деятельность человеческого сознания качественно изменяет энергетические характеристики существования как отдельного человека, так общественных групп и человечества в целом. Нельзя не принимать во внимание, что механистическая картина мира, хотя и формировалась в XVI—XVIII вв. как научная, все-таки встраивалась в общую концепцию теологии; ученых, открыто признающих материализм и атеизм, были единицы. Отец классической механики И. Ньютон своими научными трудами обосновывал достоверность материализма, но одновременно писал теологические работы, полагая, что и научные исследования подтверждают божественное происхождение мира, а стройное здание классической механики все-таки является незавершенным, поскольку не объясняет причины самодвижения и нуждается в допущении божественной воли в качестве первотолчка, приводящего в движение все мироздание. Стройность механистической картины мира также свидетельствовала о том, что сущность этого знания божественна (четыре письма к Бентли) и в этом знании концептуальную функцию выполняет ин-

формационная составляющая, высший разум. Она-то и генерирует все виды энергии, из которых главный вид — энергия механическая, и все виды энергии, по мнению Ньютона, сводимы к ней. Хотя доказательство не есть сумма примеров, закономерную связь между информационными, энергетическими, вещественными составляющими ноосферных явлений можно проиллюстрировать. Скажем, движения больших масс людей — войны, революции, равно как и созидательные процессы, строительство нового, — обычно начинаются с четкой формулировки основной идеи будущего явления (информационный компонент), далее идея внедряется в массы и вызывает большую концентрацию, а затем — «выплеск» колоссальной энергии (структурный компонент), и эта энергия преобразует материальное бытие (вещественный компонент). Другой пример: человек читает книгу. Если информация интересна, он чувствует прилив энергии и, как результат, ощущает себя здоровым, «проходят» и забываются недуги. С этой точки зрения не кажется невероятным, что в некоторых направлениях медицины болезни лечатся информацией, например в гомеопатии. Иначе как можно понять, с механистической точки зрения, что минимальная доза лекарственного вещества путем сложного, порой двухсоткратного растворения, оказывает врачующее действие на организм, восстанавливая его физиологические функции и способствуя самовосстановлению физиологической целостности?

Ноосфера как системно организованное Всеобщее не является вещью в пространственном смысле этого слова, это не тело, не сфера. Это «овеществленное» (не опредмеченное пространственно), понимаемое как вещь, свойство (по концепту) и отношение (по структуре). Реализуясь на конкретных вещах — телах или идеальных объектах, воспринимаемых в условиях Земли и околоземного пространства, или конструируемых как идеальные объекты, ноосфера возвращает себе первоначальный статус свойств или отношений. В этом случае элементы субстрата, вещи в собственном смысле слова, приобретают свойство «ноосферности» или статус ноосферного отношения. Скажем, отношения в семье между супругами или между родителями и детьми могут быть ноосферными или неноосферными; отношение человека к природе также может характеризоваться как ноосферное или нет; отношение между руководителями производства и рабочими или служащими может обладать свойством ноосферности или не обладать. Подобным образом можно говорить о ноосферных свойствах, например, предметов быта, явлений природы, живых существ — растений, животных, людей, ноосферности среды существования, ноосферности или неноосферности вещей, созданных человеком, произведений науки, искусства, культуры, включая и артефакты.

Чем отличается ноосферный «объект» (вещь, свойство, отношение) от неноосферного? Во-первых, ноосферный «объект» всегда система, *целостность*, с хорошо просматриваемыми уровнями системной организации — концептом, структурой, субстратом. Во-вторых, и это существенно в условиях земных современных отношений между природой и обществом, то, что обладает свойством ноосферности, всегда несет *созидательную*, а не разрушительную функцию. Особенно это касается живых систем: ноосферное отношение к природе сохраняет ее живым организмом. Такое понимание ноосферности сходно с платоновской трактовкой Живого Космоса как жизнеспособной, развивающейся системы. В-третьих, ноосферные процессы всегда *креативны*, то есть имеют высокий творческий потенциал. Наконец, в ноосферных структурах выполняется основной ноосферный закон: информа-

ция генерирует энергию, энергия структурирует вещество. Неноосферные процессы (явления, свойства и отношения) имеют противоположную интенцию — они не являются системно организованными, особенно на уровне концепта и структуры; они некреативны; имеют разрушающую сущность, а по отношению к живому — тенденцию превращать живое в мертвое, и в них не действует ноосферный закон. Так различие между Космосом и Хаосом в мифологической архаике просматривается как различие между ноосферной и неноосферной сущностями. Космос — целостность, система, организованная в пространстве и времени, структурированная по уровням системной организации; он является живым организмом; он креативен, так как в нем рождаются и умирают космические миры; он воплощает в себе ноосферный закон: идеальный концепт — Бог-Дemiург и Бог-Футургос творят Космос и сообщают ему движение, они же задают образцы-идеи, по которым создаются вещи, свойства и отношения космических миров. Неноосферен Хаос прежде всего потому, что он не является целостным, системноорганизованным, поэтому «энергия» Хаоса отрицательна, это «энергия» тьмы и смерти. Хаос сам по себе не креативен, он поставляет материал для творения Космоса; ноосферный закон в Хаосе не выполняется. Как в этом случае возможно возникновение Космоса из Хаоса, системного объекта из не-системы? Очевидно, что концепт и структура будущей системы Космоса задаются идеальными, информативными сущностями, каковыми являются, согласно мифологии, Бог (информационный концепт), идеи-образцы (идеальные структуры).

Семиотические аспекты ноосферы. Ноосфера как текст

Семиотическим аспектам ноосферы в настоящее время посвящается достаточное количество публикаций [7; 19; 22; 25; 26; 27; 29; 36; 37]. Наиболее близки к нашей точке зрения работы Д. Г. Смирнова, в которых автор не только сближает понятия «ноосфера» и «семиосфера», но, используя методологию системного подхода А. И. Уёмова, создает синтетическую систему — *ноосемиосферу* с информационным концептом, энерго-семиотической структурой и знаково-вещественным субстратом [29]. Синергетический подход позволяет рассмотреть ноосферу в широком смысле слова как семиосферу, не акцентируя внимания на ее характеристиках только как вида сознания. В этом же отношении интересна семиософская интерпретация закономерностей бытия ноосемиотической системы и расширенное толкование основного ноосферного закона: «Вещество разворачивается в энергию, а энергия “распаковывается” в информацию» [29, с. 103]; здесь отражается антропологический механизм порождения информации как ноосферного знания.

На наш взгляд, семиотическое понимание ноосферы предполагает рассмотрение ее как своеобразной знаковой ситуации. Мы опираемся на принятие *предпосылочного знания* о том, что в основе отношения между предметами реальности, знаками и смыслами лежит материалистический *принцип отражения*: смыслы (понятия) и образы являются отражением предметов реальности и сохраняют в своем содержании сходство с ними; предметы материальны, смыслы и образы идеальны. Предметы (денотаты) связаны с материальной репрезентацией знаков (звуковой или зрительный ряд, пространственная манифестация) *отношением именованности*. Знак, понимаемый как репрезентация смысла, знак в узком смысле слова, именуется предметом. Отношение между смыслом и именем-знаком является отношением *содержания и*

формы: имя-слово формирует смысл, смысл — это содержание имени. Эти отношения представлены схемой треугольника Огдена-Ричардса: трехчленной схемой отношений смысла, имени и предмета — участников семиотической ситуации. Возможно ее расширение при введении четвертого участника — того, кто использует знаки (человек, животное, компьютер). Денотативно-смысловой уровень знаковой ситуации является *планом содержания*, а знаково-именной — *планом выражения*. Схема может модифицироваться в зависимости от характера предпосылочного знания, как содержательного, так и структурного. В данном случае мы предполагаем существование реальных и идеальных объектов (естественная установка), а также отношение отражения, существующее между реальными вещами и их образами, как наглядными, так и абстрактными (понятиями). Это материалистическая традиция в теории познания. Если же следовать номиналистической традиции, то от образной стороны знаковой ситуации придется отказаться: смыслы и образы как компонент плана содержания должны быть элиминированы. Остаются лишь предметы-денотаты и имена. Такое описание знаковой ситуации находим во всех направлениях позитивизма, как классического, так и неклассического. Платоновская традиция в теории познания, напротив, убирает из схемы реальные объекты-денотаты и оперирует только смыслами и именами. В любом случае схема модифицируется, упрощается, а содержание и объем понятий «план содержания» и «план выражения» меняются. Заметим, что сам термин «знак» в разных контекстах употребляется то в широком, то в узком смысле слова. «Знак» в широком смысле — это знаковая ситуация, при любом понимании ее структуры, то есть это единство плана содержания и плана выражения, сложные отношения между денотатом, смыслом и именем. «Знак» в узком смысле слова — это «имя» или собственно материальная репрезентация смысла и денотата. В зависимости от различного понимания структурных и содержательных предпосылок по-разному трактуется и термин «значение». В номиналистической традиции «значение» — это только денотат, в материалистической, принимающей теорию отражения, — это денотат и смысл, в платонизме «значение» — только смысл. Заметим, что выражение «знак и значение» предполагает узкое понимание знака, которое выражает содержание не всей знаковой ситуации, а только материальной манифестации. В противном случае такое словосочетание не имеет смысла и не должно употребляться. В нашем тексте используется употребление терминов, характерное для диалектико-материалистической традиции, принимающей теорию отражения: вся совокупность или система компонентов знаковой ситуации носит название «знаковой ситуации», система образов и понятий — «смысл», система имен, материальная репрезентация — «знак» (в узком смысле); «план содержания» — это смыслы плюс денотаты; «план выражения» — имена, материальная репрезентация смыслов.

Ноосферная знаковая ситуация имеет определенную специфику. Обдумывая проблему именования (о чем речь: о ноосфере как знаковой ситуации или о ноосферной знаковой ситуации), мы остановились на втором названии. Аргументы в пользу этого выбора таковы. Прежде всего, структурная онтология, которая предпосылается формированию системной концепции ноосферы. Это качественное понимание феномена ноосферы: ноосфера как «овеществленное» свойство или отношение, если мы говорим о ней как о понятии или идеальной реальности; ноосфера как свойство или отношение «ноосферности», если речь идет о материальных явлениях или процессах, а

также и о системах знания, наблюдаемых или конструируемых в земных условиях. Поскольку знаковые ситуации — это идеальные конструкты, которые используются для познания вещей, свойств, отношений объективной реальности человеком, уместно говорить о *ноосферной знаковой ситуации*, нежели о ноосфере как знаковой ситуации. Специфика ноосферной знаковой ситуации, на наш взгляд, состоит в том, что если знаковая ситуация обладает свойством ноосферности, то ее компоненты тоже обладают этим свойством, то есть существуют *ноосферные денотаты*, *ноосферные смыслы*, *ноосферные имена*. *Ноосферный процесс* в этом случае рассматривается как некоторая *генерация ноосферных смыслов*, которые во времени развиваются, содержательно обогащаются, структурно усложняются и затем реализуются на денотатах (не наоборот, ибо системное отношение именно таково — от свойств и отношений к вещам), высвечивая их ноосферное, нейтральное или антиноосферное содержание. Итак, ноосфера выступает как генератор ноосферных смыслов, а это понятно, потому что, принимая во внимание определение и структуру ноосферы как системно организованного Всеобщего, отметим, что она информациона по концепту и все семиотические процессы развертываются на концептуальном уровне организации системы-ноосферы.

Частным случаем ноосферной знаковой ситуации является *ноосферный текст*. Признаки ноосферного текста представлены в работе [12]. Напомним, что ранее мы определяли текст как двуслойную семиотическую систему, уровнями организации которой являются «план содержания» и «план выражения». Первый включает в себя систему смыслов и денотатов, второй — материальную манифестацию смыслов. «План содержания» — семантический уровень текста; «план выражения» — синтаксический. Системное описание определяет текст как систему прагматическую — по концепту, поскольку цель построения или понимания текста определяется человеком; семантическую — по структуре (соответственно цели организуется система смыслов); синтаксическую — по субстрату: смыслы находят выражение в той или иной форме материальной (пространственной, звуковой и т. п.) репрезентации [9; 14]. Рассматривая ноосферу как текст, нельзя говорить о ее прагматическом концепте, поскольку «ноосфера» понимается нами в широком смысле слова, не только как область бытия, порожденная, контролируемая и регулируемая разумом человека (в этом случае можно считать концептом ноосферного текста цели, которые ставит человечество при производстве информации), но как информационное пространство вообще, куда включаются все возможные виды информационных процессов, в том числе живые и неживые системы в условиях Земли, а также виртуальные информационные системы, такие как, например, мир идей Платона. В этом случае *концептуальным свойством* ноосферы-текста является способность генерировать смыслы и определять адекватные им субстраты. Ярким примером представления ноосферы-текста является концепция диалектического идеализма Гегеля. Абсолютная Идея может рассматриваться как информационный концепт, генерирующий все смыслы, которые продуцирует гегелевское миропонимание. Она включает в себе не только содержательные, но и структурные компоненты. К последним относится диалектический метод, который, развертываясь в тексте, порождает своеобразную «матрешечную» структуру мироздания (отнюдь не «спираль»). На языке системологии такая система называется элементарноавтономной, то есть ее подсистемы — элементы системы в том же смысле, что и целое. Таким об-

разом, главную генерирующую функцию в концепции Гегеля выполняет *метод*, структурный компонент теоретического построения. Далее предполагается рафинирование средствами все той же диалектики как самого метода, так и содержательной части теории. Метод разворачивается как система диалектических категорий в «Науке логики». Развитие Абсолютной Идеи в самой себе представлено в «Феноменологии духа», и опять-таки решающее значение здесь играют абстрактные категории, которые впоследствии интерпретируются конкретно. Эти категории — «бытие», «ничто», «нечто», а диалектический метод имеет самое общее содержание, обозначенное термином «становление». В «Феноменологии духа» смысл Абсолютной Идеи носит сугубо структурный характер, поскольку конкретизируется в категориях, определяющих диалектический метод и законы диалектики. Это понятия «тождество», «различие», «противоречие», «противоположности» и соответственно основной закон диалектики — закон единства и борьбы противоположностей, в логическом плане представленный как взаимосвязь категорий; затем «количество», «свойство», «качество», «мера» и соответствующий закон взаимного перехода количественных изменений в качественные; затем категории, связанные с сущностью закона отрицания отрицания. ИмPLICITно во всех этих метаморфозах присутствует триада — «тезис–антитезис–синтез», а также триада «вещь–свойство–отношение», которая выполняет в теории Гегеля, как, впрочем, и в других философских концепциях, имеющих хорошо выстроенную структуру, функции языка структурного и системного описания. И далее, в процессе развития Абсолютная Идея наполняется все более конкретным содержанием. В «Философии природы», выступающей как антитезис по отношению к «Феноменологии духа», находим большую триаду «механика–физика–органика», а внутри каждого ее члена малые триады: в механике — «пространство–время–движение», в физике — «теплота–свет–химизм», в органике — «геология–ботаника–зоология», причем зоология включает и телесное развитие человека — его анатомию и физиологию. Синтезом по отношению к феноменологии духа и философии природы выступает «Философия духа», описывающая формы общественного сознания и соответствующие им формы общественного бытия. Предполагается, что с помощью категорий, представленных в «Философии духа», Абсолютная Идея приходит к самопознанию. Структура «Философии духа» распадается на триады большую и малые. К большой триаде относится «субъективный дух–объективный дух–абсолютный дух». Содержание «субъективного духа» развивается в триаде «антропология–феноменология–психология», «объективного духа» — «нравственность–право–государство», «абсолютного духа» — «искусство–религия–философия»; именно развитие содержания категорий последней триады и выражает процесс самопознания Абсолютной Идеи. Концепция Гегеля является не только хорошо построенным ноосферным текстом, поскольку обладает креативностью, целостностью, является развивающейся, то есть живой системой, реализует действие ноосферного закона, но и моделью ноосферы, понимаемой и как знаковая система и как текст. В этом случае Абсолютная Идея выступает как генерирующая смыслы структура, содержание и формальные характеристики смыслов разворачиваются в текстах самой концепции.

Коммуникативное пространство ноосферы

Проблема коммуникативного пространства решалась в работах [9, 16]. Коммуникативное пространство в общем случае рассматривается как «пространство» общения и понимания, причем сам термин «пространство» не имеет прямого смысла, а употребляется скорее метафорически. Нами различаются три вида коммуникативного пространства. Самое широкое понятие — это «информационное пространство». Оно применимо там, где имеют место негэнтропийные процессы, и может иметь как материальную, так и идеальную природу. Вторым видом коммуникативного пространства — «пространство коммуникации» (КП-1). Являясь видом информационного пространства, оно по сути антропологично, в основном создается человеком или человеческим обществом, но существует не только между людьми, но, например, между человеком и животными, человеком и явлениями природы, человеком и «мыслящей машиной». Цель этого вида пространства — не только созидание, хранение и обмен информацией, но и выполнение системообразующей функции по отношению к массивам информации, а также по отношению к ее носителю — человеку. КП-1 призвано сохранять *целостность* информационных систем типа «человек — окружающая среда», «человек — компьютерный мир», «человек — мир живого» и т. п. Коммуникативные ситуации, которые создаются и продуцируются в сфере пространства КП-1, в принципе предполагают обмен и знакомство с информацией, но не требуют ее отрефлексированности, понимания. Иными словами, здесь имеет место процесс производства знания и обмен знаниями, но отсутствует понимание, или информация усваивается как синтаксическая система, но не бытует как система семантическая. Типичный пример КП-1 — Интернет. Это пространство не всегда системно организовано, в значительной степени является виртуальным, и возможности семантического наполнения информации, включения ее в системы известного знания всегда принадлежат человеку. Характерные свойства КП-1: информационная сущность, виртуальность, открытость, многоуровневость, анизотропность, невещественность, континуальность, «энергичность», когда речь идет об интерпретации информации КП-1 человеком. Будучи не всегда системно организованным, КП-1 чаще существует как своеобразное «поле» (субстанция) информационных и коммуникативных процессов, на котором, в случае дополнительной заданности концептов и структур, образуются системы *личностного* коммуникативного пространства КП-2. Это уже не просто системы производства, хранения и обмена информацией, а системы *понимания*. Они *всегда* системно организованы и ориентированы на действие двух моделей понимания — *собственно понимающей* и *интерпретационной* [14]. Личностное коммуникативное пространство КП-1 может иметь в качестве своих носителей-компонентов не обязательно только людей, но любые одушевляемые человеком объекты. Так, например, Маленький Принц в сказке Сент-Экзюпери разговаривает с розой, Гаев у Чехова — с «многоуважаемым шкафом», Раневская — с детской комнатой, герой народных сказок — с явлениями природы и т. п. На наш взгляд, ноосферное пространство связано именно с этим типом коммуникативного пространства — *лично* окрашенной сферой коммуникации.

Репрезентация ноосферного коммуникативного пространства — это *ноосферный диалог* и его участники [8, 11]. Диалог представляет собой обмен информацией между двумя коммуникантами с целью *получения нового зна-*

ния или замены неопределенности в содержании сообщения *определенностью*. В логическом плане — это вопросно-ответный комплекс, в котором коммуникант, задающий вопрос, сообщает информацию с переменными значениями некоторых компонентов, в то время как отвечающий заменяет «переменные» значения константными. Логически правильно построенный диалог всегда системно организован, но одновременно предполагает некоторые неопределенности на уровне концепта, структуры или субстрата, здесь предполагается открытость системы и, как правило, система диалога оказывается субстратно-открытой.

Ноосферный диалог как вид диалога обладает определенными содержательными характеристиками: он прежде всего системен и направлен на сохранение целостности коммуникативной системы, представленной в диалоге, а также психологической и интеллектуальной целостности коммуникантов — носителей диалога и контекста (среды), в котором разворачивается. Другие свойства ноосферного диалога — он креативен, жизнестроитель и жизнеутверждающ, имеет в своей основе ноосферный закон. Эти свойства присущи всем ноосферным явлениям. Поскольку ноосферный диалог всегда системен, то различаются виды ноосферного диалога по концепту, структуре и субстрату (см.: [11]).

Еще раз заметим, что в понятие «ноосферный» вкладывается сугубо положительный, жизне- и системостроительный смысл; далеко не все творения человеческого или иного разума обладают свойством ноосферности, а только те, которым присущи указанные характеристики. Если же диалог между людьми, человеком и природой, поколениями, цивилизациями, между Востоком и Западом имеет цель разрушить жизнеспособную целостность, убить креативность, размыть систему — он не может считаться ноосферным по определению.

Ноосферный диалог, безусловно, основа ноосферного пространства. Но более подробно хотелось бы остановиться на видах построения ноосферного пространства, связанных с двумя моделями понимания — собственно понимающей и интерпретационной.

Мы говорим о метафоре пространства. Она имеет различное содержание в зависимости от того, какого вида коммуникация имеется в виду. Речь идет о коммуникативном пространстве ноосферы, а ноосфера мыслится как креативная, системостроительная, жизнеутверждающая, развивающаяся *форма бытия*, идеальная по существу. В этом контексте метафора пространства скорее всего символизирует *время*, так как жизнь развивается во времени. Модели истолкования смыслов, генерируемых ноосферой, определяются содержанием и структурой тезаурусов реципиентов; важно, на какой тезаурус ложится информация и «вменяем» ли человек к ее восприятию и пониманию. Здесь имеет место структурный изоморфизм с усвоением информации людьми в диалоге: микрокосм подобен макрокосму — познав себя, познаешь мир.

Ранее шла речь о двух моделях понимания — собственно-познающей и интерпретационной [9, 14]. В собственно-познающей модели в совокупной системе знания, полученной в результате понимания текста, концептуально-структурный уровень задан индуктором, источником информации, субстратный — реципиентом: человек воспринимает ноосферные смыслы и прилагает их к земным условиям жизни. В интерпретационной модели ноосферные смыслы спускаются на уровень субстрата совокупной системы знания, а концептуально-структурный уровень задается человеком. Примером

прочтения ноосферного смысла в собственно-понимающей модели является восприятие десяти евангельских заповедей и дальнейшее следование им в жизни. Пример интерпретационного понимания — трактовка некоторых притчей Христа из тех же Евангелий, о чем свидетельствует спор между Князем и Г-ном Z о смысле Притчи о виноградарях в «Трех разговорах...» В. С. Соловьева. Отсюда следует, что существуют две формы восприятия коммуникативного пространства ноосферы — неантропологическая, ориентированная на собственно-понимающую модель, и антропологическая, ориентированная на интерпретационную.

Ноосфера — определенная форма бытия, та форма, в которой оно рассматривается как креативная, жизнеспособная целостность, как Космос. Со звуочной содержанию двух моделей понимания кажется мысль М. Хайдеггера о двух формах постижения бытия. Первая — это «техническое познание», или «постав», когда человек в процессе познания и практики вторгается в бытие, не спрашивая его согласия, игнорируя желание или потребность другой стороны в общении и понимании. Он познает мир с помощью грубых инструментов, удобных человеку, расчленяет и исследует его как анатом труп [34]. В таком случае невозможен диалог, познание истины-алетейи, откровение, сочувствие, сомыслие, Встреча с Собой в ипостаси Другого. Этот путь соответствует интерпретационной модели. Другой путь представляет ситуацию, когда бытие относится благосклонно к человеку и его познавательному интересу. Оно оставляет «просвет», чтобы человек мог войти внутрь бытия со своим вопросом. И первый вопрос: «Нужен ли Я?» — это предпосылка развития собственно-понимающей модели [35]. Здесь возможна Встреча, взаимопонимание, сочувствие и сомыслие, постижение истины-алетейи.

Существует западная и восточная ориентации в развитии культуры. Принято считать, что они диаметрально противоположны, поэтому возникает необходимость в *диалоге культур*. В основе различия двух тенденций культурного процесса лежит, во-первых, смена познавательного отношения (субъект-объектные отношения в западном менталитете, субъект-субъектные — в восточном), во-вторых, различие в форме и методах познания (в западной традиции — разные виды рационализма, опирающиеся на разные виды логик, от классических до неклассических, в восточной — интуиция, инсайт, «вживание» и другие формы нерационального познания, довербальные виды рефлексии, эзотерические и мистические практики). Как нам кажется, это различие соответствует двум моделям понимания — собственно-понимающей и интерпретационной. Собственно-понимающая модель присутствует в структуре восточного миропонимания, интерпретационная — западного. Западная модель является антропоморфной, восточная неантропоморфной, космоцентрической. Антропоцентризм привел к торжеству науки и техники в познавательной деятельности; научно-техническая модель мира и последующее практическое преобразование, в свою очередь, породили экзистенциальную проблему, разрыв между сущностью и существованием человека, распад личности, дегуманизацию общественной жизни. Современная компьютеризация усиливает процесс личностной нивелировки, во многих отношениях делает человека придатком компьютера, порождает новые виды психологической зависимости, «зомбирования», качественное изменение сознания и мышления, делая их «клиповыми», семантически обедненными, техническими, рассчитанными на узкое, специализированное общение, ограниченно коммуникативными. За этим следует и общий кризис духовности

как человека, так и общества в целом. Кризис гуманитарного содержания сознания выразился, в том числе, и в моделях миропонимания, в принятии того типа коммуникативного пространства, с которым работает пользователь — человек, органически включенный в систему «человек — компьютер».

Есть тенденция сведения любого типа коммуникативного пространства, в том числе и пространства ноосферы, к Гипертексту, коммуникативному пространству типа КП-1. В этом случае коммуникативное пространство ноосферы рассматривается как аналог Интернета, а сама ноосфера мыслится как подсистема техносферы. Согласно предшествующему изложению, мы придерживаемся совершенно другой позиции, считая, что понятие «ноосфера» несводимо по объему и содержанию к понятию «техносфера» и должно быть расширено за пределы области Земли и околоземного пространства, охваченной научной мыслью человека. Гуманистическая составляющая ноосферы играет главную роль в ее содержании, обуславливая жизнеспособность и продуктивность.

Выше говорилось о гегелевской модели миропонимания как саморазвивающейся системе, Абсолютной Идее. Эту модель можно рассматривать как вариант представления ноосферного коммуникативного пространства. Здесь присутствует гуманистическая составляющая, само развитие и углубление «пространства» рассматривается как самораскрытие Единого Бытия по законам диалектики, и хотя эта система имеет денотативный, смысловой и «именной» компоненты и может рассматриваться как знаковая ситуация и как текст, признаки Гипертекста здесь отсутствуют. Это не чисто синтаксическое образование, а система с ярко выраженным семантическим содержанием и отношением не только к семантике, но и к прагматике. Хотя диалектическая схема развития Абсолютной Идеи — явно рациональное построение, в основе которого структура и метод диалектической логики, оно относится к западному направлению культурной традиции.

Другой вариант системы миропонимания, также рационалистический, но более современный и близкий по структуре к «технической» направленности мысли находим в рассказе Борхеса «Сад расходящихся тропок» [3]. Здесь представлена ситуация, когда герой, будучи опытным разведчиком и потомком древнего китайского рода, оказывается в Англии и, выполняя задание своего немецкого шефа, встречается с ученым востоковедом и лингвистом Альбером. Альбер знакомит героя с произведением его далекого предка, китайского мудреца Цюй Пэна; это книга-лабиринт, символизирующая мироздание, своеобразная модель коммуникативного пространства ноосферы. Однако модель построена не как циклическая структура, а как «пространство расходящихся тропок», которое символизирует возможности событий, происходящих во времени. Но если мы воспринимаем события во времени последовательно, то в книге-лабиринте Цюй Пэна возможности этих событий представлены существующими одновременно. И если человек обычно стоит перед выбором одной из возможностей, то у Цюй Пэна осуществляется каждая возможность. Причем структура этого сюжета мироздания не является центрированной, нет выделенной вещи, свойства или отношения как в традиционной механистической картине мира, как, например, у Ньютона. Каждая из возможностей при смене системы референций может стать такой выделенной точкой. Таким образом, это иерархическая система, но осуществленная не на плоскости, а на сфере. «“Сад расходящихся тропок” — это не законченный, но и не искаженный образ мира, каким его видел Цюй Пэн. В отличие от Ньютона и Шопенгауэра, ваш предок не верил в единое, абсолютное

время. Он верил в бесчисленность временных рядов, в растущую головокружительную сеть расходящихся, сходящихся и параллельных времен. И эта канва времен, которые сближаются, ветвятся, перекрещиваются или век за веком так и не соприкасаются, заключает в себе все мыслимые возможности» [2, с. 546]. Это западноориентированная, рационалистическая модель мира, однако имеющая тенденцию к сближению с восточным миропониманием. Не случайно автор лабиринта — китайский мыслитель Цюй Пэн. Однако есть отступления от западноевропейской традиции: отказ от традиционной централизованности, развитие системы из единого центра, реализация всех допустимых возможностей, принципиальная незавершенность системы, ориентирование на семантические интерпретации, элиминация цикличности как единственно возможной модели развития и т. п. Однако имеет место главный признак европейского стиля мышления — субъект-объектное познавательное отношение и рационализм.

Здесь присутствуют признаки Гипертекста: информационная сущность, виртуальность, открытость, многомерность, многонаправленность, многоуровневость, анизотропность, невещественность, континуальность (пространственная компонента коммуникативного пространства взаимодействует с временной). Для коммуникативного пространства этого типа (КП-1) характерна «энергичность»: живое существо, попадая в такое пространство-время, меняет энергетический потенциал и направленность («Вы, например, явились ко мне, но в каком-то из возможных вариантов прошлого вы — мой враг, а в ином — друг»). И в этом тексте, как и в любом Гипертексте, строго говоря, *отсутствует однозначная системная организованность*, это скорее «поле», на котором при заданности системообразующих свойств и отношений возникают разные системы. И еще одна особенность — это фактически «безличностное» коммуникативное пространство, что не позволяет считать его в прямом смысле слова ноосферным без заданности дополнительных личностных системообразующих отношений. В то же время у Гегеля, например, Абсолютная Идея, развиваясь, приобретает личностный элемент в своем содержании.

Что касается восточного менталитета, лежащего в основе мироздания, то его свойства и составляющие представлены в прекрасной книге В. В. Малявина «Духовный опыт Китая» [20].

Концепции духовного опыта Древнего Китая, в частности даосизма и дзен-буддизма, на наш взгляд, ближе к ноосферному миропониманию, чем западноевропейские. Прежде всего, четко определяется предмет познания: это сознание. Определено и орудие познания — это не разум или рассудок, но сердце, *«чистое детское сердце»*. Нормальное состояние сердца — покой и Пустота. Метод познания также определен четко: это диалектика, взаимодействие противоположных сторон бытия. Если в европейской философии с древнейших времен предметом познания были вещи, в частности, Демокрит полагал, что мир создан из атомов и пустоты, но основой мира являются все-таки атомы, эти маленькие тела, вещи, то в даосской традиции основа мира — Пустота. И тем не менее, в противовес мнению В. С. Соловьева о том, что буддизм — философия смерти, считаем, что существуют достаточные основания, чтобы утверждать, что даосизм и дзен-буддизм провозглашают и отстаивают *путь жизни* как истинный путь мудреца. Полагание Пустоты основой мира не означает беспредметности познания, просто внимание мыслителя обращено не к вещам, населяющим мир, но к свойствам и отношениям. Пустота, иногда отождествляемая с Хаосом, не выступает беспорядочным

нагромождением явлений. У нее те же свойства, что и у Космоса — это такое же *системно организованное Всеобщее* как Космос древних греков. В этом смысле можно говорить о ноосферности Пустоты. Как осмыслить цельность, системность Пустоты? Попытаемся это сделать, опираясь на современное определение системы: система — множество вещей, на котором реализуется отношение с заранее фиксированным свойством. Концептом в даосизме является характеристика Пути. Путь (Дао) — это путь жизни, путь сердца, Дао — сердечный Путь, его конечная цель — успокоить сердце. Истинная жизнь — бытие спокойного сердца. Сам Путь (Дао) — структура, системообразующее отношение; субстрат — те формы поведения человека или те события, которые согласуются с Дао. Стало быть, Покой и Пустота действительно целостности, причем жизнеспособные, потому что спокойное сердце в конечном счете порождает и гарантирует правильную, здоровую, продуктивную жизнь, чем бы человек ни занимался. В жизни всегда должен быть *момент созерцательности*, отстраненности от суеты, только в этом случае можно оценить ее истинный смысл и непреходящие ценности. Древнекитайский мудрец Сыма Чэньчжень учит: «Сердце — господин всего тела, повелитель всех духов. Оно ведет к прозрению, когда оно покойно. Оно увлекает в помраченность, когда взволнованно» [20, с. 169]. «Когда сознание не вбирает в себя ничего извне, это зовется пустым сознанием. Когда сознание не влечется за внешними вещами, это называется покойным сознанием. В покойном и пустом сознании Путь поселяется сам собой» [20, с. 172].

Целостное представление жизни как следование Пути связано и с анализом дзен-буддистских практик. Их также можно осмыслить в терминах системного подхода. В Космосе рассеяны «семена жизни». С нашей точки зрения, их можно рассматривать как субстанцию, на которой впоследствии выстраивается духовно-телесная целостность человека. Главную роль в ней играет Дух. Направленный по Пути-Дао с помощью воли, дух рождает и организует жизненную энергию Ци. Наполненные энергией органы и части тела — кровь, кости, суставы, мышцы, сухожилия — приобретают способность действовать согласованно, в единстве, реализуя духовно-телесную целостность. Таким образом, в противовес римской поговорке: «В здоровом теле здоровый дух» — китайская традиция говорит об обратном: «Здоровый дух порождает здоровое тело». В этой древнекитайской мудрости имплицитно присутствует действие ноосферного закона: если духовную составляющую системы «даосского человека» считать информационной, энергетическую — структурной, а телесную — субстратной, то, действительно, информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество, а в целом духовный человек являет собой живую, хорошо функционирующую, развивающуюся, креативную систему.

Следующим интересным моментом, связанным с ноосферными идеями в китайской философии, является представление отношения между Беспредельным и Великим Пределом. Эта оппозиция играет большую роль в развитии даосских практик и боевых искусств. В ее основе диалектический принцип *недвойственности*, то есть стирание грани между беспредельным и пределом. Во взаимопревращении Беспредельного и Предела выражается сущность космического процесса творения от первичного Хаоса Единого Ци к вторичному Хаосу вездесущего предела, называемого Великим пределом. «Покой» — сущность Беспредельного, а движение — способ существования Беспредельного. Если говорить о покое: внутри нас полная пустота, нет мыс-

лей, взгляд не устремлен ни вовне, ни вовнутрь. Если говорить о движении: следуйте естественному вращению тела, и тогда в вас укрепится энергия Беспредельного» [20, с. 126]. Беспредельное — аспект прото-бытия Пути; Великий Предел служит обозначением предельной конкретности направленного движения. Беспредельное — свойство Духа, его способность порождать различные состояния энергии Ци, качественно разнообразить ее содержание. В свою очередь эти разнообразные ипостаси энергии Ци реализуются на разных формах движений и поз в даосской практике, что и воплощает силу Великого Предела, поскольку, как известно, позы и движения системно организованы, представляют целостность и этим своим качеством обуславливают непостижимое умом совершенство человеческого тела и неиссякаемую сокровищницу его возможностей. Опять-таки прослеживается действие ноосферного закона: рафинированная сущность Беспредельного (Дух) порождает многообразные почти до бесконечности формы энергии (Ци), воплощающиеся в формах телесного совершенства, достигающего невероятных высот. Таков Путь Дао, Путь сердца в древнекитайской философии.

Древнекитайский философ Лу Сяншань, развивая мысль Мэн-Цзы, сказал: «То, что теряется, — это сердце. То, что берегут, — это тоже сердце». Вот почему Мэн-Цзы говорил: «Великий человек — тот, кто не теряет своего детского сердца» [20, с. 372]. С этим текстом созвучны слова Библии, в которых заключена вековая мудрость уже европейского человечества: «Где сердце твое, там и сокровище твое». «Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источник жизни» [Притчи, 4:23]. «Истинно говорю вам, кто не примет Царства Божия как дитя, тот не войдет в него» [Луки, 18:17].

Эти параллели показывают, что духовный опыт Древнего Китая содержательно близок духовному опыту христианства. Вероятно, можно найти перекличку с духовным опытом и практиками других времен и народов.

Какая модель понимания, структурирующая коммуникативное пространство ноосферы, является наиболее адекватной его сущности? Безусловно, не интерпретационная, не «постав», не технологическое «вскрытие», разрушение бытия, но собственно-понимающая, ожидание «просвета в бытии», «вживание». «Постав» развивает отношение «Я — ТЫ» в направлении «Я — ОН — ЧУЖОЙ — ВРАГ», то есть по пути смерти. «Вживание» определяет путь «Я — ТЫ — СВОЙ — ДРУГ — Я», путь жизни.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о безусловно ноосферном содержании философского и религиозного знания с древнейших времен до наших дней. Но остается открытым вопрос о причинах такой преемственности, о свойствах коммуникативного пространства ноосферы, позволяющих ее осуществлять. Это основной вопрос не только философии, но и религии, и науки, и искусства — вопрос об отношении конечного, земного, ограниченного существования и знания — к безусловному началу. Это ноосферное отношение, выраженное в понятиях ноосферы и ноосферности. Оно может служить основанием, краеугольным камнем синтеза всего теоретического знания, о котором писали В. И. Вернадский и В. С. Соловьев.

Библиографический список

1. Антонов Николай Павлович: философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 279 с.
2. Барт Р. Система моды : статьи по семиотике культуры. М. : Изд-во им. Сахаровых, 2003. 511 с.

3. Борхес Х. С. Сад расходящихся тропок // Свидетели обвинения. М. : Моск. рабочий, 1989. С. 538—548.
4. Брагин А. В. Мир как система и человек / Иван. гос. энерг. ун-т. Иваново, 2001. 157 с.
5. Гиренок Ф. И. Экология, цивилизация, ноосфера. М. : Наука, 1987. 180 с.
6. Гирусов Э. В. Основы социальной экологии. М. : РУДН, 1998. 172 с.
7. Данилова В. С., Кож евников Н. Н. Книга природных знаков как путь ноосферогенеза в информационном обществе // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. М. : Традиция, 2001. С. 9—19.
8. Дмит ревская И. В. Герменевтика драматургии Чехова / Иван. с/х акад. Иваново, 2008. 185 с.
9. Дмит ревская И. В. Логика : учеб. пособие для вузов. М. : Флинта, 2006. 383 с.
10. Дмит ревская И. В. Ноосфера как системно организованное Всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1997. С. 8—27.
11. Дмит ревская И. В. Ноосферный диалог — путь к созданию ноосферы // Ноосферные исследования. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2002. Вып. 2. С. 57—87.
12. Дмит ревская И. В. Ноосферный текст: системно-герменевтический анализ // Реалии ноосферного развития. М. : Изд. дом «Ноосфера», 2003. С. 194—206.
13. Дмит ревская И. В. Реальность ноосферы и смысл бытия // Ноосферные исследования. Вып. 2. С. 5—86.
14. Дмит ревская И. В. Текст как система: понимание, сложность, информативность / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1985. 87 с.
15. Дмит ревская И. В. «Тимей» Платона: миф о Живом Космосе // Ноосферная идея и будущее России / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1998. С. 29—32.
16. Дмит ревская И. В. Человек в пространстве глобальных коммуникаций. // Философская антропология и гуманизм. Владимир : Владимир. гос. пед. ун-т, 2004. С. 220—251.
17. Казначеев В. П. Феномен человека: космические и земные истоки. Новосибирск : Кн. изд-во, 1991. 126 с.
18. Кочергин А. Н. Экология и техносфера. М. : МГУ, 1995. 132 с.
19. Лот ман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2002. 703 с.
20. Малявин В. В. Духовный опыт Китая. М. : Астрель, 2006. 398 с.
21. Маслеев А. Г. Человеческое измерение Вселенной: космизм и антропоцентризм. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1996. 111 с.
22. Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М. : Устойчивый мир, 2001. 200 с.
23. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М. : Молодая гвардия, 1990. 351 с.
24. Порт нов А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX вв. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1994. 370 с.
25. Порт нов А. Н., Смирнов Д. Г. Ноосфера и семиосфера // Ноосферные исследования. Вып. 2. С. 88—178.
26. Порт нов А. Н., Турчин А. С. Семиотическая функция: философские, социологические, психологические аспекты // Вестн. Иван. гос. ун-та. 2002. Вып. 2. С. 5—20.
27. Семиотика : антология / ред. Ю. С. Степанов. Екатеринбург : Деловая книга, 2001. 702 с.
28. Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1998. 244 с.
29. Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферного универсума. Иваново : ИвГУ, 2008. 370 с.
30. Уёмов А. И. Вещи, свойства и отношения. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 184 с.
31. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М. : Мысль, 1978. 272 с.
32. Урсул А. Д. Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. М. : Луч, 1993. 274 с.

33. *Фёдоров В. М.* Биосфера, земледелие, человечество. М. : Агропромиздат, 1990. 237 с.
34. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1991. С. 221—238.
35. *Хайдеггер М.* К вопросу о назначении дела мышления / пер. А. Н. Портнова // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1991. С. 225—235.
36. *Шелковников А. Ю.* Философия семиотики. М. : Изд-во Акад. повышения квалификации и проф. переподготовки работников образования, 2006. 169 с.
37. *Эко У.* Отсутствующая структура : введение в семиологию. СПб. : Петрополис, 2004. 431 с.

ББК 87.3(2)6

Д. Г. Смирнов

ЖИВАЯ НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ

(по страницам «Философских фрагментов» Н. П. Антонова)

Случалось ли тебе задуматься глубоко
Над неразгаданным вопросом бытия?
Зачем ты призван в мир? К чему твои страдания,
Любовь и ненависть, сомненья и мечты
В безгрешно правильной машине мироздания
И в подавляющей огромности толпы?

Надсон

Одной из самых важных задач регионального интеллектуального сообщества была и остается задача осмысления своего наследия. Именно в регионах создается «живая философия», неразрывно связанная со спецификой временных и пространственных координат, определяющих материальные и духовные измерения самоорганизации общества. Обращение к истокам регионального философствования позволяет глубже понять гуманитарную миссию, которую берет на себя область (ее со-общество), и оценить ее интеллектуальный потенциал в контексте развития страны в целом.

Мы привыкли, что все советские философы — исторические материалисты в духе «Краткого курса ВКП (б)». Но это заблуждение. Оно возникает по причине того, что они не могли открыто говорить и писать то, что хотели, о чем в действительности думали. Это в полной мере относится и к Николаю Павловичу Антонову. То, что составляло настоящее содержание свободного философского сознания, в полной мере раскрывается лишь на страницах записей, которые не должны были попасть (и как показывает история — не попали) в руки компетентных органов.

В реконструкции исторического сознания советских философов могут оказать помощь герменевтико-археологические исследования. Эти «раскопки» дают возможность переосмыслить устоявшиеся штампы, касающиеся представителей советской философской мысли.

© Смирнов Д. Г., 2010